

ДОРА КАСТЕЛЬЯНОС

р. 1924

КОЛУМБИЯ

*Перевод с испанского Инны Чежеговой **

Дора Кастельянос родилась и живет в Боготе. Она — член-учредитель Колумбийской ассоциации писателей. Ее первый поэтический сборник «Крик» вышел в Боготе в 1948 году. В нем уже чувствовалось незаурядное лирическое дарование поэтессы, но пока это была еще только проба собственного голоса, поиск собственного источника вдохновения. В 1952 году Дора Кастельянос публикует второй сборник стихов — «Правда любви», состоящий из десяти поэм и двадцати сонетов. Эту вторую книгу поэтессы читатели и критика оценили как высшее достижение колумбийской поэзии, выдвинувшей в XX веке немало талантливых поэтов-женщин. В 1962 году были опубликованы новый поэтический сборник Доры Кастельянос «Написанное» и ее поэма «Хиросима, любовь моя» (эта поэма, так же как и поэма «Читая сестру Хуану», была удостоена литературных премий). Дора Кастельянос любит стих, его гармонию, его мелодическую звучность, точность рифм; при всем том у ее лирики легкое дыхание и строгость предпочитаемых ею классических форм не спорит с поэтической грацией, нежностью и страстностью ее стихов. Сонеты Доры Кастельянос, по мнению критики, принадлежат к образцам этого рода поэзии: насыщенность живым чувством сочетается в них с афористической четкостью мысли и синтаксическим изяществом стихотворной строфы. Лирическая интонация Доры Кастельянос очень пластична: в ней есть доверительная простота и грустная ирония, лукавство и меланхолическое раздумье, страстный порыв и нескрываемое отчаяние. Ее любовная лирика — исповедь сердца: для его жажды не нашлось «колодца счастья», и время превратило его в «иссохший улей». «Любовь! Я знаю твои дороги: // по ним прошла я...» — пишет поэтесса, с пронзительной откровенностью повествуя о горьком счастье путей любви, и ее слова, «во все колокола звуча в ее душе», отзываются и в наших душах.

* ДОРА КАСТЕЛЬЯНОС — Стихи (*Перевод с испанского и вступление Инны Чежеговой*) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 229–245.

Некоммерческое электронное издание. «*Im Werden Verlag*», 2009.
<http://imwerden.de>

Всегда моя душа...

Душа моя! Себе ты нанесла
уж столько ран! И нет им исцеленья.
Кровь льется, унося из заточенья
твои печали, коим нет числа.

Душа! Ужель мне ждать, чтоб изошла
ты кровью? Иль найти освобожденье
ты предпочтешь в огне самосожженья,
подобно лесу выгорев дотла?

Душа! Ты и моя, и мне чужая:
как зеркало, ловя и отражая
меня, ты мне открыла, кто есть я...

Душа! И слабость ты моя, и сила.
Благословенна будь, — ведь ты вселила
в меня живую радость бытия.

Песня дорог

О воды рек, ваш бег бурливый
через пороги...
От сердца к сердцу столь прихотливы
пути-дороги.

К тебе вели меня, как звезды,
дороги эти,
стыдливо меркли другие звезды
в их ярком свете.

Любовь! Я знаю твои дороги:
по ним прошла я,
они прекрасней, чем там, на небе,
дороги рая.

Увы, дороги воспоминаний
бывают круты,
и вспоминаешь потом часами
любви минуты...

И все ж дороги любви навстречу,
уж вы поверьте,
они для сердца куда дороже
дорог в бессмертье.

О, сколько кляв, и поцелуев,
и слез там было
и сколько в жилах — дорогах крови —
таилось пыла!

И там, где наших сердец скрестились
пути-дороги,
влюбленные, с тобой мы были
почти как боги.

Мы на вершине любви, но знаю:
пройдет мгновенье —
с горы любви нас сведет дорога
в пропасть забвенья...

В каких же снах мы пути отыщем,
мой друг сердечный,
в тот край, где нас любовь не выдаст
и будет вечной.

Ты и мои слова

Забвенья, знала я, не пощадит мечты,
но нежные слова оно порой щадило:
вот почему тебе, как розы, я дарила
слова мои, чьей ты не понял красоты.

С тех пор скопила я уж миллионы слов:
мне их дала земля, принес на крыльях ветер;
стремительный поток нежнейших слов на свете
плотину памяти вот-вот прорвать готов.

Деревья и кусты цветами слов полны,
и проясняет день мне смысл их изначальный,
а по ночам во мне их аромат печальный
рождает горькие, навязчивые сны.

В любом огне гореть, в любой воде тонуть —
вот скорбный мой удел. Но коль я словом все же
о жажде возведу на обмелевшем ложе,
вмиг свежесть бытия в мою волеется грудь.

Я прячусь, унося свой бесполезный клад
волшебных слов, и мне, заблудшей, одинокой,
не выбраться уже из пропасти глубокой,
где жизни долгие часы мне предстоят.

И лишь мои слова, кружась под пенье фей,
как дети, вносят жизнь в мое существование:
слова, что сказаны, и те, что ждут в молчанье,
во все колокола звонят в душе моей.

В житейском сумраке бродила я, слепа,
ни в людях, ни в вещах не находя участия.
Увы, не привели меня к колодцу счастья
ни долгий путь прямой, ни тайная тропа.

Никто я. И хвалы не возношу судьбе.
Не шлю проклятий мной покинутому раю.
В молчании живу. От слов я умираю.
Я — ангел мщения, что мстит самой себе.

И мертвых из могил заставила б восстать
та нежность слов, что жжет язык мне словно пламя.
Живу среди глухих, беременна словами.
В глазах моих тщета, а на устах — печать.

Дерево как человек

Встречаю дерево это,
к тебе спеша:
тянется, как к человеку,
к нему душа.

Ветви его могучи,
крона горда, —
где отыщу место лучше
я для гнезда?

Ствол его сильный и стройный
выдержать смог
испепеляющей молнии
жгучий ожог.

И если солнце полудня
льется свинцом,
под деревом тем найду я
приют и дом.

И если безудержный ливень
хлынет с небес,
дерево тут же раскинет
свой навес.

В молчанье густая крона,
как добрая мать,
побеги нежно-зеленые
спешит напитать.

Когда прихожу к тебе я
в печали, в слезах,
дерево, как надежда,
стоит на часах.

Ему я сердце открою
наедине.
Никто на него похожий
не встретился мне.

В нем доброта и сила,
мощь и покой.
Таким я тебя любила...
Но ты — не такой.

И ты не узнаешь вовеки,
что выбрала я
не тебя, а дерево это
себе в мужья.

Я пишу тебе о своей любви

«Я люблю тебя!» — но говорить
мало мне слова простые эти:
лишь написанное будет жить,
все, что сказано, — уносит ветер.

Чтобы слов моих ты не забыл,
пусть напишет их на развороте
белых облаков концами крыл
ласточка в стремительном полете.

Где растут деревья и трава,
роз кусты в убранстве их богатом,
пусть напишет там мои слова
бабочка цветочным ароматом.

В одинокой и немой ночи —
светлячка, живого света точку,
попрошу я огоньком свечи
прочертить сияющую строчку.

«Я люблю тебя!» — я прокричу
солнцу, и луне, и всем планетам.
Я и там их написать хочу...
Кто бы мог там написать об этом?

* * *

Река в своем ложе исходит любовью,
душа от любви обливается кровью,
любви ураган гнет могучие кроны —
любовные муки бездонны, бездонны...

Мое сердце и неумолимое время

О, как изнашивают сердце годы!
Как тратят золото его они:
ведь копятся во все часы и дни
в копилке сердца страсти и невзгоды...
О, как изнашивают сердце годы!
В моей груди, где ныне только боль,
хранилось золото высокой пробы:
оно расплавлено любовью, чтобы
корону некий получил король...
В моей груди осталась только боль.

О, как высушивают сердце годы!
Иссохшим ульем я его несусь,
забытым в человеческом лесу,
что выжжен засухой наполовину;
но пусть в нем, неприятном, я не сгину,
от засухи я нежность не спасу —
своей любви предвижу я кончину.
То тяжкими, то легкими шагами
ход времени стирает роковой
мою любовь, как камни мостовой.
Оплакиваю я любви кончину.

Сожгли мне сердце прожитые годы:
на жертвенный костер взошло оно
и, пламенем уже опалено,
все верило, что пламень был любовью...
Так мое сердце было сожжено.
Сожгли мне сердце прожитые годы.

Как утомили мое сердце годы:
их вал могучий сердце укачал...
Убита я любовью наповал?
Иль жертва безлюбивной непогоды?
Опустошили мое сердце годы,
и смял его их ураганный вал.

За каплей капля влага горьких лет,
на сердце падая, его изъела:
так рак зловещий разъедает тело,
и жизни обрывается расцвет.
Как время точит сердце! Как умело
от жизни к смерти пролагает след!

Все — тщета

Все суета сует и ловля ветра

«Екклесиаст»

Когда в душе любовь проснется вдруг,
объятъем круг любви хоть на мгновенье
замкнув, ты обретешь без промедленья
лишь ветра вздох в кольце горячих рук.

Когда лучится счастье на ладони,
ты не считай его рабом своим, —
сожмешь его в руке — прощайся с ним:
рука, разжавшись, пепла горсть уронит...

В застенке сердца крик твой заточен,
и разобьется он о стены прежде,
чем праведных небес достигнет он.

Вокруг безжалостная глухота.
Не рвись ни вслед любви, ни вслед надежде...
Мы тщетно ловим ветер: все — тщета.

Осень воспоминаний

Да не воскреснет то, что умерло давно!
Хоть сердце замкнуто, но незащищено:
с тех пор прошли века, но вновь меня арканом
надежды к прошлым дням влечет... Им нет конца,
пока живут в моей душе черты любимого лица.

На память падает забвение туманом.

Скрести же руки, страсть! Иль жить ты не устала?
Влачатся дни любви, как листья запоздалой
любви осени, под ветра свист.
Тень прошлой радости, отцветшее былое...
Нет, осенью душе не знать покоя!

И в мыслях кружится осенний желтый лист.

Рассвет

В безбрежном море гибельных страстей,
на якорю судьбы моей злосчастной
пылает сердце, словно бакен красный,
и, скорбно плача, смерти ждет своей.

Я в лабиринте безысходных дней
охочусь за любовью безучастной,
теряю силы я в борьбе напрасной,
но, ослабев, лишь становлюсь сильней.

В безлюдной погибаю я пустыне,
но жизни смысл ищу я и поныне:
не верю, что его потерян след...

О жизнь моя! Ты в бездне страстной смуты
дай силы мне дождаться той минуты,
когда надежды вдруг блеснет рассвет.

В шелестящих хитонах

И лишними стали все мои дни,
ибо сказаны все слова.

Габриэла Мистраль

1

Ласкаю книги я,
как нежные тела:
не радостей земных
взыскуя, но причастья
к загадке жизни...
В правоте и силе
своей уверены,
теснятся книги,
обремененные
лишь легким грузом слов,
живых и каждый день
для нас насущных,
чтоб пищей быть уму
и размыкать уста.
Умеют книги ждать
(ведь мудрым суета
чужда) и терпеливо
ждут ласки рук моих
и блеска жадных глаз.
Как плоть и как душа,
они не спят и молча
ждут. Так нас ждут друзья,
готовые помочь нам.
Неслышны речи их:
ни шепота, ни крика...
Зачитаны до дыр
любимейшие книги.
А на других следы
нетерпеливых пальцев,
и на любой из них
мой взгляд — неизгладим.

2

Настольной лампы свет,
и книги, книги, книги:
вот то, что нужно мне
и мною так любимо.
Те книги, что сама
я напишу, чтоб людям
сказать, что я — жива,
что в книгах — существую.

И те, что уж давно
написаны другими,
кто до сих пор живет
в кричащих молча книгах...
Все книги, что вливают
кровь в нашу жизнь
и мысль...
Я с ними — не одна,
со мной они навеки —
священные войска
моей библиотеки.

3

Вы ангелы-хранители,
чьи шелестят хитоны,
чьи крылья плотно сомкнуты,
а голоса — безмолвны.
Свидетели бессонниц,
поверенные скорби.
Страниц бесчисленных шорох —
шум ваших крыл в полете.
Меня с собой возьмите,
чтоб в слабом свете лампы,
не поднимаясь с кресла,
сподобилась взлететь я
в желанное бессмертье!
О ангелы-хранители,
чьи крылья то в полете,
то снова плотно сомкнуты,
на вас взираю в полночь
с любовью и слезами.
И говорю: не стали
дни прожитые лишними,
написаны и сказаны
еще не все слова.

Там, где началась любовь

Пусть я с моим рассудком не в ладу,
и сердце растревожено не даром, —
я радуюсь плодам в твоём саду,
наполненным моих цветов нектаром.

Я подставляла грудь свою ударам
твоей судьбы, приняв твою беду,
зажгла в ночной пустыне сердца жаром
я пастухам твоим свою звезду.

Пахала, сеяла — рук не жалела,
и от трудов моих зазеленело
тобою брошенное поле вновь.

Все для тебя, мне ничего не надо:
пусть влага слез туманит ясность взгляда, —
я снова там, где началась любовь.

Лик любви

Любовь, верни, не будь неумолима,
давно забытый мной прекрасный лик:
дай мне его увидеть хоть на миг!
Но незнакомкой ты проходишь мимо...

Как ирис, в памяти моей незримо
тот образ из забвения возник.
Любовь — скорбей и радостей родник,
ищу тебя, но ты неуловима.

Тебя, любовь, я встретила однажды,
и ты была такой, какой во сне
тебя мечтал хоть раз увидеть каждый.

Дней и ночей тянулись вереницы...
Когда ж твой лик приблизился ко мне,
пустые я увидела глазницы.

Крушение

Любовь! Благодарю за сладость ран,
за выносимые для сердца муки,
за радость ожидания, боль разлуки,
за чувств необоримый ураган.

Благословляю все в твоей науке:
печаль и смех, надежды и обман
и смывший с жизни грязь тоски и скуки
твой, о любовь, жестокий океан.

И твой огонь благословляю тоже,
хоть мой покой без устали он гложет,
в сплошной ожог мне душу превратив...

Любовь, в твоих волнах я заблудилась,
и сердце сбилось с курса и разбилось,
тобой, как бурей, брошено на риф.

Пою вместе с морем

Ты про берег тот морской забыл,
где учил меня когда-то петь:
мне б тебя забыть и не жалеть,
что меня любимый разлюбил.

На песке блестит узор волны,
сердце прячет нежные слова,
и белеют юбки кружева
в ярком свете налитой луны.

Не казись печалью о былом,
в море ты печаль свою омой:
я тебя забуду, милый мой,
забываю легче с каждым днем.

Море залило любви костер,
но рука вдруг вывела в тоске
твое имя на морском песке, —
только ветер его сразу стер.

Песня

Ах, любовь! Сердце сразу заметит,
если тень набежит на твой свет...
Ярче всех та звезда, что мне светит,
и счастливей любви нашей нет.

Рвется страсть из груди, как борзая,
и без сна, до зари, вновь и вновь
нас ведет лабиринтами рая
путеводной звездой любовь.

В ней и вера, и тихое пламя
очага, и смятенье в крови...
Горечь жизни уходит, а с нами
остается лишь радость любви.